

крестьяне, бонзы, фашисты

(фашистский «крестьянский роман»)

Роман Г. Фаллада «Крестьяне, бонзы и бомбы»¹, в слегка замаскированной форме рисующий движение голштинского крестьянства, вызвал известное внимание в связи с актуальностью затронутой им темы. Книга действительно достойна внимания — разумеется, не столько из «литературных» соображений, сколько из-за своей литературно-оформленной политической направленности, не столько ради изображаемых в ней фактов, сколько ради метода их изображения. В описываемом здесь крестьянском движении боролись две тенденции: реакционная, в основе своей фашистская, логически ведущая к НСРПГ (национально-социалистической рабочей партии Германии), и революционная, прямым выводом из которой является союз с революционным пролетариатом, с коммунистической партией. Фаллада исходит в своем романе из позиций фашистского крыла крестьянства. Под этим углом зрения и следует расценивать художественные достоинства или недостатки романа.

В своей книге, состоящей из трех частей, Фаллада рассказывает, как крестьяне не дали наложить арест на имущество и как из этого возникла большая крестьянская демонстрация в Альтгольме (читай — в Неймюнстере). Полиция, руководимая социал-демократами, разгоняет крестьян. У них отнимают их черное знамя. Во второй части крестьяне объявляют Альтгольм под бойкотом. В третьей части на сцену появляется добрая старая германская юстиция, которая прилагает все старания, чтобы дискредитировать республиканскую полицию и вынести оправдательный приговор обвиняемым крестьянам вместе с их фашистским знаменоносцем. Какой сюжет! Какой удобный случай дать наглядную картину жизни и нужды современного германского крестьянства, нарисовать сложную дифференциацию германской деревни и ее взаимоотношения с различными классами городского населения! Притомним, как Бальзак и Золя рисовали французского крестьянина во всей полноте его социальных противоречий, как Норрис взял темой для большого романа борьбу калифорнийских фермеров «Спрута», железнодорожного капитала. Притомним крестьянские романы — правда, значительно более слабые, но все же дающие частичное изображение жизни германского крестьянства, исполненной глубоких противоречий, романы, относящиеся к раннему периоду германского капитализма, когда можно еще было писать о борьбе крестьян против гнета крупных помещиков и против давящего их городского капитала, не опасаясь того, что угнетенные и эксплуатируемые крестьяне объединятся с кровным врагом всякой эксплоатации, революционным пролетариатом. В этих условиях возникли «Без крова» Рейтера, «Последний Якоб» Розеггера, крестьянские романы Поленца.

У Фаллада мы не находим даже намека на тот пониженный интерес к действительности, какой отличает последнюю группу писателей. Когда

новый редактор «Ландфольксцайтунг» Штуфф цинично восклицает: «Что я знаю о крестьянах?», он этими словами удачно характеризует отношение фашистских «друзей крестьянства» к действительным условиям жизни германской деревни.

С виду комический факт: в крестьянском романе Фаллада действительное положение крестьян окутано густым мраком. Его «крестьяне» — серая масса, играющая роль схематического, абстрактного, безжизненного заднего фона для фантастических событий повествования. О противоречиях между крестьянством и крупным помещиком — ни слова. Граф сидит в кругу крестьян, словно так и полагается. О том, что среди крестьян имеются кулаки, середняки и бедняки, читатель узнает лишь мимоходом. Притом совершенно очевидно, что, по мнению Фаллада, это обстоятельство не играет в жизни крестьян никакой роли. Поденных рабочих Фаллада вовсе не заметил. О батраках мы читаем в одной единственной строчке, что они «все больше наглеют». Но, по мнению Фаллада, это, очевидно, всецело объясняется дурным характером отдельных сварливых субъектов. Он опускает в этом месте завесу фашистской лжи. В дальнейшем о наглеющих батраках даже не упоминается.

Взором и пером Фаллада водит фашистская лживая идея единства нации. Поэтому степень правдивости его крестьянских типов равна нулю и даже того меньше. Место правильного понимания условий крестьянской жизни заняла здесь сознательная фашистская ложь.

То же самое — с «городами», вызванными к жизни заклинаниями Фаллада. Он не понял городской буржуазии ни в ее специфике, ни в ее отношениях к остальным классам населения.

Вот коммунальный политик и оптовик Манцов. Его социальная характеристика заключается — по Фаллада — в том, что он пьяница, развратничает и растлевает малолетних девочек. Суррогат реализма! В образе немецкого захолустного буржуа все это — побочные черты, разумеется, существующие в жизни, но ни в коем случае не составляющие центральной социально-экономической основы этого типа... Жена владельца газеты, которая валяется пьяная на дворе; сам владелец газеты, заботящийся не о деле, но о каких-то фантастических изобретениях; аптекарь, продающий клиентам не те лекарства, какие они просят, — все это случайные фигуры, убеждающие нас лишний раз в том, что Фаллада так же мало интересуется действительной жизнью городской буржуазии, как и жизнью крестьянства. Полнокровно у Фаллада собственно одно лишь место — описание работы редакции в небольшом городке. Здесь Фаллада явно исходит из собственного опыта.

Существует все же область жизни, которую Фаллада изучил и описывает со всеми ее интригами, маневрами, грязными делишками — это «система», жизнь прусского правительенного аппарата социал-демократов. По Фаллада, именно здесь окопался враг. Таким образом Фаллада полностью следует фашистско-националистической теории. По его мнению, дело не в том, что из крестьян высасывают со-

¹ H. Fallada, „Bauern, Bonzen und Bomben“. Ernst Rowohlt, Berlin, 1931.

ки главным образом крупные помещики и городская буржуазия, по заданию которых фактически и работает государственный аппарат, — нет: корень зла лежит в республиканско-парламентской системе, как таковой. В системе, за которой скрываются «красные», марксисты, повинные во всех нынешних бедах.

Разумеется, Фаллада признает и исключения. Наделенный чертами «государственного мужа», социал-демократический бургомистр, который старается «подняться над классом», и его великий покровитель в Берлине, прусский министр внутренних дел — так явно на стороне фашизма, что за ними признаются смягчающие вину обстоятельства. Социал-фашизм и просто фашизм протягивают друг другу свои честные руки — вот где царит истина!

Такого рода социал-фашистские «государственные мужи» преблагодушно слушают себе, как Фаллада наводит критику на прусское правительство и его органы; Фаллада так разрисовывает германского президента и его полицию, что писателю-коммунисту (вспомним историю с Нейкранцем) это никак не сошло бы с рук. Но ворон ворону глаз не выклонет. Правительство — по мнению Фаллада — стремится к жестокой расправе с крестьянами. Правительство пускает в ход все средства, чтобы вызвать столкновения. Командируется провокатор, наравливающий крестьян и полицию друг на друга. Полиция развивает энергичную деятельность, которую т. Нейкранц обрисовал в своей книге о Веддинге — с известными последствиями для книги. Интриганы, лжецы, трусы, садисты — таковы представители системы в изображении Фаллада. Здесь нет, конечно, ничего преувеличенного, но в то же время нужно не проглядеть здесь гитлеровского трюка: ответственность за все происходящее возлагается не на капиталистический строй, а на одно лишь частное историческое проявление капитализма, на парламентаризм, на германскую социал-демократическую партию, вообще на «красных» в широком, совершенно извращенном смысле слова. Какие из этого следуют политические выводы, это ясно в настоящее время даже для политического младенца.

Г-н Фаллада тоже отдает себе в этом отчет. О выводах, которые он делает, можно судить по тому, как по-разному рисует он национал-социалистов и коммунистов. Когда Фаллада писал свой опус, национал-социалисты были еще «зеленоваты», — молодежь, но уже принимающая мученичество за свои убеждения, которые она — преследуемая злыми коммунистами — отстаивает с большой энергией и самоожертвованием.

Совсем иное дело — коммунисты. Это вонючий сброд, щуты гороховые; правда, полиция и суд всегда с ними дурно обходятся, но г-н Фаллада настолько не принимает их всерьез, что даже не дает себе труда правдиво передавать простейшие их замечания. Единственный коммунист в местном муниципалитете, получив слово, все время — по Фаллада, — называет присутствующих политических противников «товарищи» (!). Говорить по существу он совершенно неспособен. Этот коммунист — по Фаллада — какой-то клоун, которого выставляют из зала под свист, крик и смех, в то вре-

мя как он кричит: «Да здравствует советская республика и мировая революция!»

Фаллада не только не понимает, но и никак не учитывает те силы крестьянского населения, которые тянутся к союзу с коммунистами. В этом месте содержится в зародыше вся фашистская концепция Фаллада.

Фашистская направленность Фаллада делает его книгу в самой ее основе лживой и нежизненной. Немыслимо правильное изображение колossalных противоречий, раздирающих социальную жизнь современной Германии, построенное под углом зрения фашистского «единства нации». Политическая ложь претворяется в научную и художественную ложь. Г-н Фаллада безусловно недюжинный рассказчик. Он умеет дать квалифицированные зарисовки людей. О том свидетельствует его социал-демократический бургомистр Гарейс — полнокровный мужчина, похожий на грубого мясника, крепко стоящий на массивных ногах. Но самое крупное дарование неизбежно вырождается в халтуру, если оно в своем творчестве не исходит из реальных соотношений жизни.

Фаллада старается загладить этот недостаток, который он, разумеется, чувствует сам, посредством дешевого лжереализма. Мы уже указывали его «характеристику» оптового торговца Манцова, социальная функция которого заключается в насилии малолетних. Мы уже упоминали о коллекции экстравагантных обывателей, подменяющей у Фаллада описание действительной жизни провинциального городка.

Но особенно ярко проявляется лжереализм автора в языке, каким он наделяет значительную часть своих персонажей. Это «реальность» публичного дома, трактира, отхожего места, где фалладовские германцы «чувствуют себя, как дома». Припоминаю первое приветствие, которым во время войны встретил нас, юных «защитников родины», приставленный к намunter-офицер: он покрыл нас трехэтажным матом. В Советском Союзе такого молодчика вышвырнули бы из Красной армии. Для армии буржуазного государства, где смысл военной муштры сводится к тому, чтобы вконец убить человеческую личность в будущем пушечном мясе, это было самое подходящее выражение. Дух фашистского ландкнекта витает над романом Фаллада.

Средствами фашизма можно только парализовать, но не двигать вперед материальную жизнь современной Германии, можно, самое большое, перекалечить трудящееся население Германии — если планы Гитлера увенчаются успехом, — но не освободить его. С фашистских позиций (будь это фашизм причесан под социальную или национальную гребенку) мир наших дней не поддается ни научному объяснению, ни художественному изображению.

Фаллада написал фашистский лубочный роман вокруг да около жизни германского крестьянства, о которой он ничего не знает и относится к ней совершенно безучастно. В сравнении с его «Тайнами Неймюнстера» даже старый классический бульварный роман «Тайны Парижа» придется признать чуть ли не художественным произведением.